ИЗБУШКА НА ВИШЕРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ИЗБУШКА НА ВИШЕРЕ

ФОТОКНИЖКА

РИСУНКИ И ТЕКСТ Ю. КОВАЛЯ

ФОТОГРАФИИ В. УСКОВА

ОФОРМЛЕНИЕ
Б. ШКОЛЬНИКА

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1975

ЧУВАЛ

Из тайги, из самой глубины её, из брусничных болот и зарослей черёмухи, медленно поднимается, вываливает к небу могучий каменный лоб. Это Чувал.

Горы на Урале называют Камнями.

Денежкин Камень.

Молебный Камень.

А эта просто Чувал.

Глиняная печь, в которой пекут ржаные лепёшки, тоже называется — чувал. В морозный день, вернувшись с промысла, охотники греют руки на её шершавых и жарких боках.

А кого греет гора?

Гладко обкатана временем вершина Чувала.

Снизу, из тайги, кажется, что она заросла мохом или той мягкой шерстью, которой покрываются весною оленьи рога. Хочется погладить её.

ГРИБЫ И ЗОЛОТО

За Чувалом, на берегу речки Вишеры, стоит в тайге охотничья избушка. Её построил Вадим — таёжный охотник.

— Вот взойдём на Чувал, — говорит Вадим, — потом спустимся, а там до избушки близко.

По тропе, которую проложили золотые старатели, мы поднимаемся на вершину Чувала. Идём в гости к Вадиму.

У тропы под ёлками есть белые грибы.

Я увидел гриб, потянулся за ним и чуть не свалился в шурф. Когда-то вырубил его старатель в каменистой земле, укрепил стенки толстыми брёвнами. Наверно, нашёл золото.

Я внимательно гляжу по сторонам: не блеснёт ли что-нибудь в траве или в камушках. Но золота пока не видно. А грибов много.

ДУДКИ

Перед нами по тропе идёт Босой Старикашка.

На сырой земле чётко отпечаталась его здоровенная лапа.

«Не хотелось бы пожать эту лапу», — думаю я.

Босой Старикашка идёт точно по нашему пути. Видно, тоже решил добраться до избушки. Он ломает дудки, выворачивает их из земли и жрёт сладкий корень.

Справа, слева — повсюду цветут дудки. Цветы их похожи на шапку-малахай.

А из корней, которые так любит медведь, мы сварим таёжный борщ.

БОСОЙ СТАРИКАШКА

Собаки, которые спокойно бежали впереди, вдруг остановились и злобно заворчали:

— Догоняем босоногого!

Фотограф Витя привинчивает к аппарату свой самый страшный объектив и выходит вперёд. Кажется, он несёт в руках что-то вроде миномёта. За ним — двое с ружьями. На всякий случай. Как бы Старикашка не вздумал понюхать фотоаппарат.

Босоногий где-то рядом. На тропе — совсем свежие следы. Из переломанных дудок сочится сок. Слышно, как впереди кто-то чмокает и чавкает. Это, конечно, чавкает Старикашка. Жрёт дудки.

Из кустов вдруг высовывается бурая косматая голова и тут же прячется. Сочно ломаются дудки, взмахивают шапками. Медведь убегает, напуганный, как видно, фотоминомётом.

— Жалко, — огорчается Витя. — Не успел снять Босоногого.

Но медведя мы всё-таки сняли. Правда, не Старикашку, а совсем молоденького — Парнишку. И ест он не дудки, а морковку.

Этот Парнишка живёт в посёлке у одного охотника. После съёмки он сожрал мою ковбойку.

ШИКША

Мы всходим на лоб Чувала.

Из кустов вереска, которыми заросла вершина, взлетают длинноносые вальдшнепы и рябенькие дрозды. С криком перелетают куропатки. Так вот кого греет Чувал.

Я сбросил тяжёлый рюкзак и упал в траву.

Нет, не в траву. В шикшу.

Маленькие, длиной в два пальца, ёлочки росли повсюду вокруг меня, а на них — чёрные ягоды.

— Это шикша, — сказал Вадим. — Ешь.

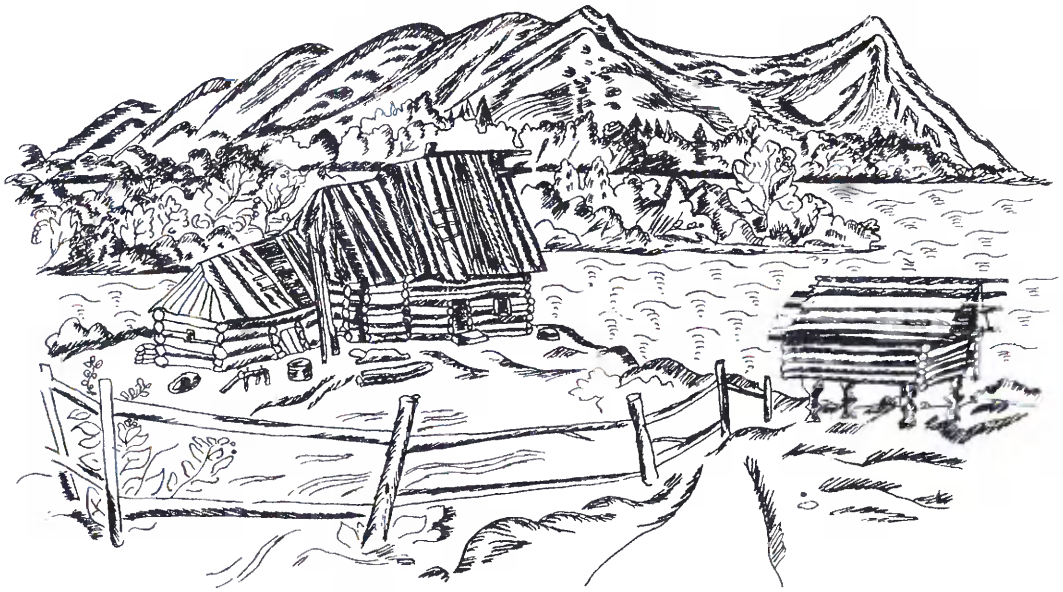
«Шикша» — вот интересное слово. Только лишь переставить две буквы, и получится «шишка». К тому же похожа шикша на ёлочку.

Но нету на шикше шишек. Чёрные ягоды. Кажется, что они наполнены смолой.

Я набрал пригоршню шикши и сразу отправил её в рот.

Под чёрной блестящей кожурой была свежая и сладкая мякоть, а в ней мелкие хрустящие косточки.

Хорошая ягода шикша. Она чуть-чуть пахнет яблоком.



ПАНТЕЛЕЕВЫ ЛЕПЁШКИ

Прошлую ночь ночевали мы у деда Пантелея.

Давно, лет пятьдесят назад, срубил он в тайге дом и живёт в нём один.

Добрались мы до Пантелея поздно ночью. Он обрадовался гостям, поставил самовар.

Долго мы сидели за столом, разговаривали, пели песни. Пантелей больше молчал и всё вглядывался, какие они, городские-то, люди. Чудными казались ему наши разговоры и песни, привезённые из города. Одна песня понравилась ему: «На улице дождь, дождь...»

Утром мы встали пораньше, затемно, а дед уже поднялся. Я заглянул к нему за перегородку. Там на столе горела свеча, и при свете её дедушка Пантелей месил тесто. Видно, собрался печь хлеб.

Взошло солнце. Мы стали собираться в дорогу и на прощание решили сфотографировать Пантелея.

— Вы, дедушка, снимите шапку — чего в шапке фотографироваться?

— Зачем её снимать? Она ведь голову греет.

— Ну ладно, тогда возьмите в руки сеть, будто вы её чините.

Шапку Пантелей снимать не стал, а сеть взял в руки, покачивая головой и улыбаясь затеям городского человека.

Потом он сходил в дом и вынес что-то завёрнутое в тряпицу. Свёрток был горячий. Я развернул его и увидел тонкие лепёшки из ржаной муки.

— Возьми, — сказал Пантелей. — На дорогу.

Когда мы перевалили Чувал и остановились передохнуть, я достал из мешка Пантелеевы лепёшки. Они высохли и покрошились. Мы стали есть их, размачивая в ручье.

Ни соли, ни сладости не было в Пантелеевых лепёшках. Они были пресными, как вода.

Я удивлялся: что за странные лепёшки, почему в них нет вкуса. Потом понял, что вкус есть, только уж очень простой. Такие лепёшки может, наверно, испечь только одинокий старик, живущий в тайге.

МЯК-МЯК-МЯК

Сухой корень, который торчал из кустов вереска, вдруг шевельнулся — и медленно, осторожно навстречу нам вышел олень.

— Мяк-мяк-мяк... — негромко сказал Вадим, протягивая оленю руку. На ладони его лежала щепотка соли.

Рогач оглядывал нас. Людей он и раньше видал, а с нами не встречался.

— Мяк-мяк-мяк... — приглашал Вадим, — мяк...

«Мяк-то мяк, — думал, как видно, олень, — а всё-таки я вижу вас впервые».

Снова зашевелились кусты, и за рогачом вышла олениха. Ва́женка. Увидавши такое скопление народу, важенка застеснялась, спряталась за спиной рогача.

Тут выскочил оленёнок. Он не стал рассуждать, подскакал к Вадиму и лизнул ладонь.

Папаша с мамашей взволнованно зашептались. Но соль притягивала, и скоро всё семейство облизывало Вадимову ладонь.

Это было слишком. Три языка на ладони явно не умещались.

Я достал из кармана пригоршню соли и стал переманивать оленей к себе:

— Мяк-мяк-мяк...

— Мяк-мяк-мяк!.. — загалдели на разные голоса мои спутники. У всех была в кармане соль. Всем хотелось подсолить оленей.

Из кустов вышли ещё два оленя, но их у меня перехватили. Теперь все кормили оленей, и только я ходил с протянутой рукой. Наконец появился и мой олень. Он был молодой, с коротенькими рогами.

Удивительный у оленя язык. Шершавый, сильный, он насквозь может пролизать ладонь. Я долго кормил своего оленя сладкой солью:

— Мяк-мяк-мяк...

ЯГЕЛЬ

Так вот кого греет Чувал — оленей!

Летом на вершине горы олени спасаются от слепней и паутов, а зимой здесь легче достать из-под снега ягель — олений мох. Копытами разрывают олени снег — «копытят», ищут ягель.

По-моему, ягель — самый красивый мох.

Светлый, светло-зелёный упруго вырывается он из трещин в камнях, и каждый его кустик похож на взрыв.

Ягель ласковый, мягкий мох. По нему жалко ходить, топтать, а уж если пошёл — идёшь по пуховой подушке.

Говорят, что след человека остаётся в ягеле на долгие годы.

На склонах Чувала много оленьего моха.

А в одном месте среди ягеля мы увидели бруснику. Она казалась особенно спелой и сочной в его седоватых кустиках.

Бруснику мы съели, а ягель оставили оленям.

МОРОШКА

Под ногами мох — мягкий мохнатый мех.

Солнечные ягоды, оранжевые и жёлтые, рассыпались по моховой поляне. Морошка.

Жёлтые — спелые, оранжевые — вот-вот созреют.

Ягода морошки немного похожа на белую малину. Кажется — это маленькие малинки растут среди мха.

Но морошка не такая сладкая и душистая, как малина. А всё-таки морошку на малину я не променяю. Северный, таёжный у неё вкус, и сравнить его не с чем — разве со вкусом росы.

Морошка вобрала в себя всю свежесть сырого леса, всю сладость мохового болота — и свежести оказалось много, а сладости чуть-чуть.

Но кому сколько надо — одни пьют чай вприкуску, другие внакладку.

Когда устанешь под мешком после долгого пути, когда в горле у тебя пересохло — морошка кажется мёдом. Моховым и прохладным болотным мёдом.

МЕШОК И ПЕЧКА

Мы спускаемся с Чувала. Внизу, впереди, за угловатыми верхушками ёлок и пихт, нет-нет и блеснёт речка Вишера. А там, на берегу, Вадимова избушка. Скорей бы уж добраться.

— Ты знаешь, что такое чувал? — спрашивает Вадим.

— Знаю: печка.

— Не только печка. Чувалом ещё называют мешок.

«Странная гора, — думаю я. — И печка она, и мешок».

— Не пойму, почему — мешок. Гора на мешок никак не похожа.

— А под ногами-то у нас что? — говорит Вадим. — Под ногами у нас — золото. Золотая жила.

Так вот почему мешок! Чувал — это мешок золота.

Чувал золота.

ИЗБУШКА

Из потемневшей вечерней тайги мы вышли к Вишере и увидели избушку.

Маленькая, в два окошка, она стояла на берегу в остроконечных пихтах и стояла так просто и хорошо, как будто выросла здесь сама по себе.

В тёмном окошке что-то блеснуло.

— Огонь, — насторожился я. — Там кто-то есть.

— Это закат, — ответил Вадим. — Никого там нету. Но кто-то был.

На крыше избушки сидел коршун. Увидев нас, он закричал плаксиво, поднялся над деревьями и пропал, сгорел, в закатном небе.

Мы скинули рюкзаки и вошли в избушку.

На столике у окна стояла банка сгущёнки. Из-под неё высовывался лист бумаги, на котором было написано химическим карандашом:

«Уже месяц идём через тайгу. У нас не осталось продуктов, кроме этой банки сгущёнки. Мы случайно вышли к избушке и жили здесь три дня. Мы нашли чай, сахар и сухари. Дорогой хозяин, спасибо тебе. Пей чай с нашей сгущёнкой. Мы никогда не забудем этой избушки».

МОИ ОРЕХИ

Через речку Вишеру к вечернему, дремлющему уже Чувалу летела кедровка. Она несла в клюве большую кедровую шишку.

— Хочешь орешка? — спросил Вадим.

Мы стояли в кустах на берегу, и кедровка не видела нас.

Когда она подлетела ближе, Вадим выскочил из кустов, хлопнул в ладоши и крикнул:

— Мои орехи!

Кедровка напугалась, уронила шишку. Вишерская волна поднесла её прямо к нашим ногам.

Среди остроголовых ёлок и пихт по берегам Вишеры стоят одинокие кедры. На их вершинах тяжело висят зрелые шишки.

Мы с Вадимом насшибали ещё орехов, вернулись к избушке. Там уже горел костёр, огненные блики плясали на стволах деревьев. У костра была уже ночь.

В горячей золе Вадим стал печь кедровые шишки, точно так, как пекут картошку.

Мы пили чай со сгущёнкой, из обугленных шишек выколупывали орехи, от которых пахло горячей смолой.

ВАНДЫШИ

У самого берега Вишеры прямо из воды растут красноногие лопухи. В лопухах, как в рюмках, собирается дождевая вода.

Под лопухами, по дну реки, снуют рыбёшки величиной с мизинец.

Это вандыши. Они любопытны и прожорливы. Бросишь в воду банку с хлебными крошками — вандыши мигом залезают в неё.

Вишерские ребятишки приучаются к рыбалке с ловли вандышей, а взрослые рыбаки «вандышами» ругают ребятишек.

— А ну, вандыши, давайте отсюда!

Мне вандыши нравятся. Ловкие, вёрткие, нахальные, они веселят подводный мир.

ВАСЯ ЧЕРВЯЧОК

На реке, недалеко от берега, мы увидали лодку, в которой сидел одинокий рыбак. Это был Вася Червячок. Он ловил хариуса.

Хариус — осторожная рыба. Держится в ямах, в густой коричневой глубине.

Хариусовый плавник похож на флаг, по которому рассыпаны жемчужные горошины.

— Как дела? — крикнул Вадим.

— Лапти! — ответил Вася, с уважением указывая пальцем в глубину.

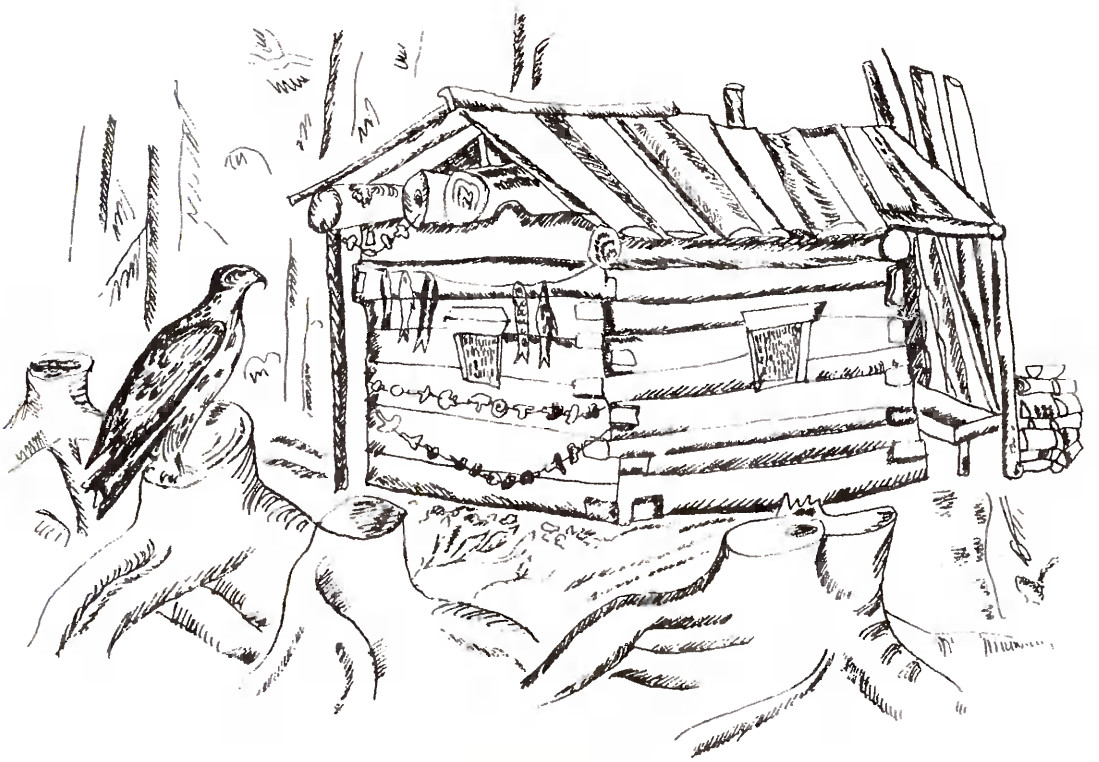
«Лаптями» Вася называет больших хариусов, а маленьких — «пацанами». А уж самые большие, огромные — это у Васи «поленья».

Вася ловит хариуса на червя. Но червей в тайге нет. Они не живут в плотно слежавшейся и перегнившей хвое. Вася завёз в тайгу червей и расселил их под щепками около охотничьей избушки. За это его и зовут Червячком.

Вечерами на широких плёсах хариусы выходят на поверхность. Они пляшут на волнах, извиваясь, выскакивают из воды. Хариусы мушкарят. Ловят мушку.

Хариусы мушкарят, и мы мушкарим. Забрасываем снасть с искусственной мушкой.

Хариус крепко хватает, дёргает леску, выпрыгивает из воды и потом долго ещё трепещет в камнях на берегу и както особенно хмыкает.



ЯШКА

В старых пихтах рядом с избушкой живёт коршун Яшка. Всякий раз, как мы кончаем обедать, Яшка подлетает к костру поглядеть: не осталось ли головки от хариуса.

Для Яшки я ловлю вандышей. Наловлю целую банку и высыпаю в траву. Яшка слетает с верхушки пихты, радостно, пронзительно кричит.

Однажды я остался один в избушке. Сидел на поваленной берёзе и рисовал. Рядом стояло ведро с очищенным для ухи хариусом. Яшка вдруг слетел с дерева, уселся на край ведра и стал клевать хариуса.

Я рявкнул — Яшка изумлённо вытаращил жёлтые глаза и на всякий случай отлетел в сторону. Но через минуту вернулся и снова уселся на край ведра. Тогда я надел перчатки, подкрался к ведру и схватил коршуна. Он возмущённо закричал, а я нахлопал его по тому месту, где хвост.

Весь день Яшка плакал и жаловался на верхушке пихты. На хариуса он просто глядеть не мог. И на меня тоже.

Как-то утром на вершину Чувала лёг снег, и мы поняли, что надо собираться домой. Растопырив сизые и коричневые перья, коршун Яшка сидел на пихте и глядел, как мы уходим в тайгу. Он думал, что мы поохотимся, половим рыбы и вернёмся. Но мы не вернулись. Приближалась зима.

ВИШЕРА

Какое хорошее слово — Вишера.

Плавное, шершавое.

Хочется сказать его, потрогать губами. Как в речке на перекате, шуршат в нём шероховатые камешки.

Всё дно Вишеры и берега её в этих камешках. Они похожи на кремнёвые ножи или наконечники для стрел и копий.

Вишера извивается по тайге, глухо бурлит на порогах, бьёт бурунами под скалу с колокольным звоном и вдруг разливается на широких плёсах.

Узоры её русла напоминают буквы.

Я летел над Вишерой в самолёте и вдруг увидел речную излучину, похожую на букву «Л».

А сразу за нею — «О».

Я волновался, толкал соседей — какое же слово получится?

Получилось слово «л о с ь».

Цена 23 коп.

Д Л Я Д О Ш К О Л Ь Н О Г О В О З Р А С Т А

Юрий Иосифович Коваль
Виктор Геннадиевич Усков

ИЗБУШКА НА ВИШЕРЕ

Ответственный редактор *К. Д. Арон.* Художественный редактор *И. Г. Найдёнова.* Технический редактор *Л. П. Костикова.* Корректор *В. И. Дод.* Сдано в набор 17/X 1974 г. Подписано к печати 10/III 1975 г. Формат 58×78¹/₈. Бум. тифдр. № 1. Печ. л. 3. Усл. печ. л. 2,52. Уч.-изд. л. 2,7. Тираж 300 000 (1—150 000) экз. Заказ № 3603. Цена 23 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

И $\frac{70801-337}{M101(03)75}$ 040—75

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1975 г.